

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛИФЛЯНЦА. (*)

1790—1815.

XIII.

1813 годъ.

Служба въ отрядѣ Винцингероде.—Движеніе чрезъ Силезію въ Саксонію.—Аванпостная служба.—Сраженіе при Люцентъ.—Отступленіе къ Дрездену.

2-го (14-го) февраля прибылъ я къ отряду Винцингероде, когда онъ только-что разбилъ Ренъе при Калишѣ. Прочитавъ привезенныя мною депеши, генералъ приказалъ мнѣ состоять пока при его штабѣ. Мы продолжали преслѣдовать Ренъе по пятамъ къ Одеру и чрезъ Островъ и Здуны достигли Равича. Здѣсь дороги оказались до того плохими, что Винцингероде призналъ нужнымъ дать отдыхъ войскамъ, продолжавшейся до двухъ недѣль. Равичъ хотя и польскій городишко, но съ давняго времени заселенъ нѣмцами, большею частію суконными фабрикантами. Такъ какъ мѣстность эта вообще отличалась суконною промышленностію, то городъ Равичъ и его окрестности должны были, въ видѣ контрибуціи, поставить намъ определенное количество сукна. Каждый офицеръ получилъ его столько, что могъ изготовить себѣ полную обмундировку, со включеніемъ шинели—желанная находка для многихъ изъ насъ, обносившихся у бивуачныхъ огней.

Винцингероде получилъ, между тѣмъ, приказаніе переправиться за Одеръ, вслѣдствіе чего 14-го (26-го) февраля пере-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1865 г., № № 5—8.

шли эту рѣку князь Мадатовъ со своимъ летучимъ отрядомъ и генераль Ланской съ авангардомъ. Самъ Винцингероде отправился, въ сопровожденія Льва Нарышкина, въ Бреславль, къ королю прусскому, при которомъ еще состоялъ французскій посланникъ; но Фридрихъ-Вильгельмъ ждалъ только появленія за Одеромъ русскаго корпуса, чтобы объявить себя противъ Наполеона.

Движеніе наше чрезъ Силезію совершалось быстро. Ланской велъ авангардъ, а впереди его шли небольшіе летучіе отряды полковника Прендля и князя Мадатова. Прендль пользовался немалою извѣстностію, потому что умѣлъ обращать на себя вниманіе, хотя собственно военныя достоинства его были незначительны. Происходя изъ среды того народа, который называетъ себя „избраннымъ Божиимъ народомъ“ и слишкомъ часто гоняется за виѣшнимъ эффектомъ, Прендль старался импонировать взглядомъ, усами, бряцаніемъ оружія и угрозами; но сердце у него было мягкое, и храбростію онъ не отличался. Нѣтъ ни одного дѣйствительно военнаго подвига, который бы совершить онъ подъ выстрѣлами; его отвага проявлялась лишь въ тѣхъ случаяхъ, которые часто ведутъ къ висѣлицѣ, а именно Прендль пускался на самыя опасныя развѣдыванія. Винцингероде имѣлъ о немъ сначала высокое мнѣніе, но мало по малу разочаровался. Да и трудно заслужить имя рубаки, обладая совершенно противоположными качествами. Характеръ Прендля былъ до крайности миролюбивый, и я не думаю, чтобы ему когда-либо случалось проливать чужую кровь. Если французы, при отступленіи своемъ къ Дрездену, были тревожимы мало, то этимъ они обязаны Прендлю. Захвативъ пару отсталыхъ, онъ писалъ о подобныхъ дѣлахъ безконечныя донесенія. Винцингероде, находясь позади его въ двухъ переходахъ, не могъ удостовѣриться въ истинѣ сообщаемыхъ фактовъ, и уже впоследствии открылось шарлатанство Прендля. Чтобы избавиться отъ такого офицера, Прендля назначили комендантомъ въ Лейпцигъ. Тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ: промышлять деньги, развѣдывать, давать пиры, жить со всѣми въ ладахъ, все это соотвѣтствовало его характеру.

2-го (14-го) марта вступили мы въ Бунцау и затѣмъ продолжали путь въ Лузацію. Намъ вездѣ встрѣчали какъ освободителей, хотя, конечно, впоследствии энтузіазмъ остылъ: освободителей надо было помѣщать, кормить, удовлетворять разныя

ихъ потребности, а для всего этого надлежало развѣзывать кошелькъ, залятый врагъ всякаго воодушевленія.

Въ Бауценѣ Винцингероде получилъ (8-го марта) извѣстіе, что полковникъ Давыдовъ (Денисъ) заключилъ съ французами конвенцію, въ силу которой они сдали намъ новый Дрезденъ (Neustadt-Dresden, предмѣстье Дрездена); и съ обѣихъ сторонъ условлено было прекратить непріязненныя дѣйствія. Горячій солдатъ Асперна, какъ называлъ Винцингероде Гормаиръ, пришедъ отъ того въ истинное бѣшенство. Онъ бросился въ почтовую тележку, поскакалъ въ Дрезденъ, отнялъ команду у Давыдова, уничтожилъ конвенцію и приказалъ возобновить военныя дѣйствія. Но въ Дрезденѣ засѣли двѣ тысячи баварцевъ, которыхъ нельзя было окружить; такъ какъ часть моста чрезъ Эльбу была взорвана, и потому Винцингероде принужденъ былъ вернуться безъ успѣха; однако на слѣдующій день разныя легучіе отряды, русскіе и прусскіе, пришедшіе съ границы Богеміи, переправились за Эльбу и стали угрожать баварцамъ со всѣхъ сторонъ; кромѣ того, Ланской вступилъ въ новый Дрезденъ съ нашимъ авангардомъ. Тогда баварцы удалились, сильно преслѣдуемые легучими отрядами, и Винцингероде, 13-го марта, выступилъ изъ Бауцена для дальнѣйшаго преслѣдованія непріятели.

Признавъ нужнымъ открыть сообщеніе съ корпусомъ графа Витгенштейна, занявшимъ Берлинъ, генералъ возложилъ на меня это порученіе. Я получилъ подъ начальство Ланскаго, командовавшаго авангардомъ, получилъ два казачьихъ полка (Попова 13-го и Иловайскаго 12-го) и долженъ былъ взять направленіе на Торгау. Здѣсь начальствовалъ генералъ Тилеманъ, который вскорѣ доказалъ, что строго соблюдалъ нейтралитетъ крѣпости и могъ бы избавить Саксонію отъ многихъ бѣдъ, если бы стоялъ во главѣ дѣлъ или если бы Саксонія имѣла еще нѣсколько такихъ твердыхъ и рѣшительныхъ людей. Когда, въ послѣдствіи, я увидѣлся съ Тилеманомъ, меня поразило наружное сходство непреклоннаго саксонца съ Наполеономъ. Судьба будто нарочно назначила этого двойника французскаго императора спасти Саксонію отъ наполеоновскихъ невзгодъ; но люди другаго заката распорядились иначе.

Достигнувъ окрестностей Торгау, я расположился въ Мюльбергъ, на Эльбѣ, наблюдалъ отсюда за крѣпостію, произвелъ развѣдки до Герцберга и тамъ встрѣтился съ легучими отря-

дами Витгенштейна. Сообщеніе, такимъ образомъ развѣ завязанное, уже не прерывалось, за что Винцингероде выразилъ мнѣ свое удовольствіе. Всѣ дороги къ Торгау я занялъ моими казаками, и не легко было пробраться въ крѣпость; но я получилъ слѣдующее увѣдомленіе отъ маіора Нацмера, флигель-адъютанта короля прусскаго:

„Имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія, что я былъ въ Торгау съ порученіемъ отъ генераль-лейтенанта Клейста. Комендантъ, генераль-лейтенантъ Тилеманъ, человекъ честный и такого образа мыслей, какого мы только желать можемъ. Онъ окажетъ намъ важныя услуги и уже успѣлъ оказать ихъ. Считаю долгомъ извѣстить васъ о томъ и покорнѣйше просить, чтобы авантюсты ваши не вступали во враждебныя дѣйствія съ саксонскими войсками, занимающими Торгау, такъ какъ это могло бы повредить доброму согласію. Розенфельдъ, 19-го (31-го) марта 1813 г.“

Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ, я оставилъ Торгау въ покоѣ и самъ пользовался покоемъ подъ крѣпостію. Мирно живя въ нагорномъ Мюльбергѣ, я словно коршунъ смотрѣлъ на окрестную равнину, окруженный ворковавшими голубками, которыя развлекали меня въ свободное отъ служебныхъ занятій время. Скоро однакожь пришло предписаніе переправиться за Эльбу и слѣдовать на Вальдгеймъ. Ланской, ожидавшій меня здѣсь, тотчасъ же приказалъ мнѣ идти дальше къ Лейпцигу. Подъ самымъ городомъ я засталъ полковника Орлова (Михаила) во главѣ другаго небольшого отряда: онъ велъ переговоры съ городскими властями; я же предпочелъ сначала занять городъ, а потомъ переговариваться. Жители встрѣтили меня съ восторгомъ; но уже на слѣдующій день явился Ланской со своимъ авангардомъ и послалъ меня въ Мерзбургъ, гдѣ я получилъ приказаніе овладѣть Галле.

Когда я явился передъ воротами этого города, непріятельскія войска уже выступили отсюда; осталось только вестфальское гражданское начальство, что не удержало жителей выйти мнѣ на встрѣчу и привѣтствовать меня какъ освободителя. Вступленіе мое въ городъ уподоблялось маленькому триумфу: народъ кричалъ „ура!“ и тѣснился ко мнѣ; женщины махали платками, а нѣкоторыя хотѣли даже цѣловать мои руки, такъ что я съ трудомъ отбивался отъ всѣхъ этихъ демонстрацій. Въ домъ, гдѣ я остановился, прибылъ вскорѣ канцлеръ уни-

верситета, Нимейеръ, чтобы поручить моему попеченію знаменитыя учебныя заведенія города; я успокоилъ ученаго мужа и вообще старался ласковостію и уступчивостію не дать остыть энтузіазму, хотя на другой же день самъ долженъ былъ охладить его. Причина та, что улицы превратились въ праздничное гульбище, и мои добродушные казаки такъ побратались съ обывателями и такъ усердно куликали съ ними, что продолженіе подобныхъ вакханалій показалось мнѣ опаснымъ. Я не боялся засады—ликовавшіе отъ души жители не подавали къ тому повода—но непріятель былъ недалеко и какой-нибудь французскій отрядъ легко могъ застать насъ врасплохъ въ шумѣ пированья. Такія соображенія побудили меня обратиться къ жителямъ съ воззваніемъ и предложить имъ остаться при своихъ обычныхъ занятіяхъ и возстановить тишину и порядокъ.

Гибихштейнъ, владѣніе маршала Даву, я приказалъ занять при самомъ началѣ, надѣясь отыскать здѣсь добычу; но каменное гнѣздо было пусто, и мы ничѣмъ не попользовались въ маршальскомъ помѣстьѣ. Только въ Вейсенфельсѣ казаки мои захватили магазинъ, котораго французы не успѣли истребить.

12-го апрѣля прибылъ въ Галле генералъ Иловайскій, командовавшій передовыми отрядами войскъ Ланскаго, а я направился на Кверфуртъ, нигдѣ не встрѣчая непріятеля, и далѣе къ Нордгаузену, жители котораго приняли меня почти съ такою же радостію, какъ и въ Галле. Я вездѣ имѣлъ надежныхъ лазутчиковъ, получавшихъ хорошую плату; но здѣсь эту услугу оказалъ мнѣ совершенно посторонній человекъ. Лишь только я сѣлъ писать донесеніе Ланскому, въ комнату вбѣжалъ запыхавшій вестфальскій лѣсничій: онъ объявилъ, что полкъ вестфальскихъ конно-егерей находится на маршѣ и намѣренъ атаковать меня ночью въ самомъ городѣ. Часто получая отъ напуганныхъ жителей подобныя извѣстія, я сначала не повѣрилъ лѣсничему; но когда онъ сказалъ, что служилъ прежде егеремъ при принцѣ прусскомъ Людвигъ-Фердинандѣ; я не могъ долѣе сомнѣваться, собралъ свою команду и, въ сопровожденіи лѣсничаго, выступилъ навстрѣчу непріятелю. Пробираясь проселками, я увидѣлъ вечеромъ, въ разстояніи часа отъ Нордгаузена, вестфальцевъ, двигавшихся скоро, но безопасно. Планъ атаки былъ составленъ мною тотчасъ же. Полкъ Попова расположился, въ видѣ резерва, въ сторонѣ отъ дороги;

сотня казаковъ остановилась въ лоцинѣ, въ тылу непріятеля; я же, съ полкомъ Иловайскаго, бросился стремительно съ фронта и во флангъ. Только впереди ѣхавшій офицеръ успѣлъ выстрѣлить изъ пистолета; командное слово его замерло въ шумѣ; полкъ былъ опрокинутъ и окруженъ прежде чѣмъ успѣлъ выстроиться, и всѣ тѣ, которые не спаслись бѣгствомъ, были или заколоты, или взяты въ плѣнъ (15 офицеровъ и 285 рядовыхъ остались въ нашихъ рукахъ). Полковникъ хотя и ускакалъ на своемъ испанскомъ жеребцѣ, но впоследствии самъ явился въ Эльрихъ добровольнымъ плѣнникомъ, чтобы не подвергнуться военному суду. Онъ былъ сынъ извѣстнаго писателя Гёбинга и служилъ прежде адъютантомъ при Блюхерѣ, и потому пруссаки приняли его очень недружелюбно.

Собравъ людей, я далъ имъ отдыхъ до разсвѣта, потомъ отправилъ плѣнныхъ, подъ надлежащимъ конвоемъ, въ Альштедтъ, мѣстопробываніе отряднаго штаба, и выступилъ съ своими казаками, получившими порядочную добычу, къ Эльриху. Отсюда мнѣ удалось произвести смѣлый набѣгъ на Герцбергъ, гдѣ находилась значительная вестфальская оружейная фабрика. Послѣ чрезвычайно утомительнаго марша по едва проходимымъ горнымъ дорогамъ, отчасти покрытымъ еще снѣгомъ и льдомъ, я явился неожиданно предъ Герцбергомъ, гдѣ стоялъ непріятельскій баталіонъ съ орудіемъ. По случаю перваго дня Пасхи, большинство солдатъ находилось въ церкви. Сильная мгла скрыла мое приближеніе; я успѣлъ составить резервъ и затѣмъ бросился со всѣхъ сторонъ на городъ. Успѣхъ былъ полный: почти весь непріятельскій гарнизонъ сдался въ плѣнъ; оружейная фабрика была разрушена. Отобѣдавъ роскошно у кастеляна замка, я выступилъ со своею добычею (30 повозокъ съ оружіемъ) и съ плѣнными (въ числѣ которыхъ былъ полковникъ французской артиллеріи), совершивъ въ теченіе тридцати-шести часовъ переходъ отъ Эльриха къ Герцбергу (35 верстъ) и обратно, овладѣвъ городомъ и разоривъ оружейный заводъ. Винцингероде узналъ о моемъ удачномъ кавалерійскомъ набѣгѣ за обѣдомъ, подъ Лейпцигомъ. Наполнивъ бокалъ, онъ провозгласилъ: „да здравствуетъ Левенштернъ, чертовскій молодецъ, выкинувшій въ чертовскихъ горахъ (въ Гарцѣ) такую чертовскую штуку!“ Донесеніе о моемъ дѣлѣ Ланскаго генералъ отправилъ къ государю императору въ подлинникѣ.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ Эльрихѣ, я получилъ приказаніе идти въ Нордгаузенъ. Тутъ ожидали насъ большія хлопоты. Вице-король итальянскій напиралъ отъ Магдебурга все болѣе и болѣе на югъ; отъ Майна уже стали появляться передовыя части главныхъ французскихъ силъ по сю сторону Тюрингенвальда, и потому, чтобы сохранить наши сообщенія и не быть отрѣзанными, надлежало пройти форсированнымъ маршемъ большія пространства. Едва неутомимые казачіе кони успѣли перевести духъ, какъ я уже выступилъ изъ Нордгаузена въ Кёзенъ, близъ Наумбурга, гдѣ ожидалъ меня Ланской. Онъ передалъ мнѣ этотъ постъ, а самъ возвратился въ Вейсенфельсъ, для присоединенія къ главнымъ силамъ отряда Винцингероде.

Вскорѣ я получилъ извѣстіе, что непріятель въ значительномъ числѣ находится въ Іенѣ, занялъ Апольду и идетъ на Комбургъ и Дорнбургъ. Мое положеніе было критическое. Нѣтъ для начальника передоваго отряда труднѣе момента — какъ рѣшиться на отступление. Не легко уловить благоприятное для того время: потеропишься — окажешь плохую услугу; промѣшкаешь — потеряешь понапрасну людей. 13-го (25-го) апрѣля мои аванпосты у Гассенгаузена были опрокинуты, и нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи устремились на Кёзенъ, чтобы выгнать меня отсюда. Я показалъ видъ, что отступаю, но на выѣздѣ изъ города сдѣлалъ засаду, изъ-за которой атаковалъ французовъ одновременно съ фронта и съ фланга. Маневръ мой удался такъ хорошо, что я отразилъ съ урономъ атакующаго и снова овладѣлъ мостомъ; однакожь, на другой день, къ мосту двинулись два полка кавалеріи (баденцы и 10-й гусарскій), а двое плѣнныхъ, захваченныхъ казаками, показали, что войсками начальствуетъ генералъ Сугэмъ, корпуса маршала Нея, и что за нимъ слѣдуетъ цѣлый корпусъ. Всякое сопротивленіе было бы, слѣдовательно, бесполезно; я отступилъ за Наумбургъ, приказавъ забарикадировать городскія ворота, для того, чтобы непріятель, проходя городомъ, не попытался отрѣзать меня.

Въ Вейсенфельсѣ примкнулъ къ моему отряду генералъ Иловайскій съ четырьмя казачьими полками, и 18-го (30-го) апрѣля мы заняли позицію между Риппахомъ и Мёзау. На другой день Винцингероде долженъ былъ произвести большую рекогносцировку, чтобы выиграть время для главной арміи:

Утромъ, когда непріятель сталъ напирать сильно, Ланской поддержалъ насъ всею своею кавалеріей. Французская пѣхота уже начала обходить нашъ лѣвый флангъ, однако бѣлорусскіе гусары, приведенные Ланскимъ, атаковали и отбросили ее. Въ то же время Ланской прислалъ мнѣ два конныхъ орудія, которыя я выдвинулъ на шоссе; но какъ глубокая лощина скрывала движеніе непріятели, то орудія мои, состоявшія подъ командою поручика Горскаго, офицера искуснаго, не могли быть употреблены въ дѣйствіе. На вопросъ подскакавшаго ко мнѣ генерала, всегда дѣятельнаго и живаго: „почему орудія молчатъ?“ я указалъ на лежавшую впереди меня мѣстность. Въ этотъ самый моментъ, на противоположной высотѣ показался французскій генераль, взвѣзжавшій на нее медленно, въ сопровожденіи одного ординарца. Я закричалъ артиллерійскому офицеру: „стрѣляйте!“ Горскій самъ навелъ орудіе, выстрѣлъ раздался, и мы видѣли, какъ французскій генераль упалъ съ лошади. Впослѣдствіи мы узнали отъ плѣнныхъ, что этимъ нашимъ выстрѣломъ убило наповалъ маршала Бессіера, герцога Истрийскаго. Часто случалось, что ружейная пуля, посланная наугадъ, убивала генераловъ, но, конечно, рѣдко бывало, чтобы ядро, направленное въ одного человѣка, попадало въ него.

Смерть маршала произвела смятеніе и замѣшательство въ рядахъ непріятели, атака утратила почти всю свою живость, и остальная половина дня прошла безъ серьезнаго боя. Между тѣмъ, Винцингероде и Витгенштейнъ достигли цѣли: непріятель былъ задержанъ, время выиграно, распоряженія на слѣдующій день сдѣланы. Послѣ полуночи (на 19-е апрѣля) вся наша армія, русскіе и пруссаки, двинулась, чрезъ Пегау и Цвенкау, на встрѣчу противнику. Солнце предстоявшаго дня должно было освѣтить сраженіе при Гроссъ-Гершенѣ.

Корпусъ Винцингероде еще раннимъ утромъ сосредоточился у Вербена; летучіе отряды Орлова и Ланскаго прикрывали его движеніе; аванпосты наши были выдвинуты у Флосграбена къ Люцену. Ночь была тихая, теплая; надъ нами сіяли звѣзды; насупротивъ, въ весьма близкомъ разстояніи, горѣли бивуачные огни непріятели. Къ постамамъ нашимъ подвѣзжали разные генералы: Винцингероде, Цитенъ, Шарнгорстъ, Блюхеръ, Витгенштейнъ, высматривали, спрашивали, готовились къ бою. Когда, на разсвѣтѣ, стали обозначаться постепенно обширныя давины, я замѣтилъ вправо общее движеніе: темныя массы

наступающихъ и свержавшее изъ среды ихъ оружіе. Около двѣнадцати часовъ пруссаки стремительно атаковали деревни Гроссъ и Клейнъ-Гершенъ. Здѣсь надлежало побѣдить, отбросить неприятеля и затѣмъ атаковать во флангъ и въ тылъ направленные къ Лейпцигу французскія колонны; но Ней, на корпусъ котораго обрушился первый ударъ, стоялъ крѣпко, оборонялся упорно; постоянно подрѣпляемый свѣжими войсками, онъ имѣлъ на своей сторонѣ численный перевѣсъ. Оспариваемыя деревни переходили изъ рукъ въ руки. Наполеонъ, разгадавъ планъ союзниковъ, воротилъ посланные къ Лейпцигу массы войскъ и ввелъ ихъ въ бой.

Мнѣ было приказано отправиться съ казаками на крайній лѣвый флангъ французовъ, выждать тамъ оборота дѣла и наблюдать. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, слѣдилъ я за боемъ, не подвергаясь даже опасности. Боролись главныя силы; партизаны отдыхали. Но—подумалъ я—въ подобный моментъ какая же обязанность ничтожнаго партизанскаго отряда?—Наблюдать и выждать?—Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ и производить, по возможности, тревогу въ тылу неприятеля.—Такъ я и поступилъ. Увидѣвъ бѣгущихъ въ безпорядкѣ французовъ, я нагрянулъ на нихъ, забралъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ и погналъ ихъ за наши линіи; потомъ переправился вправо черезъ Флосграбенъ и послалъ казаковъ, чрезъ Маркранштедтъ, на лейпцигскую дорогу. Казаки вернулись скоро съ извѣстіемъ, что показала сильная неприятельская конница, поспѣшно двигавшаяся. Выѣхавъ для осмотра, я убѣдился, что наступаетъ вѣлйй корпусъ съ грозною артиллеріей. Я тотчасъ же увѣдомилъ о томъ графа Витгенштейна. Было около трехъ часовъ пополудни. Продолжая слѣдить за неприятелемъ въ нѣкоторомъ разстояніи, я, спустя часъ, извѣстилъ графа запискою, написанною карандашемъ на лошади, что корпусъ вице-короля итальянскаго приближается бѣглымъ шагомъ. Съ нашей стороны двинулась дивизія принца Евгенія Вюртембергскаго, подрѣпленная нѣсколькими гренадерскими баталіонами Коновницыма, чтобы задержать наступленіе вице-короля на нашъ правый флангъ; я же опять поспѣшилъ въ тылъ неприятеля, съ цѣлю похозяйничать тамъ по мѣрѣ силъ и средствъ.

Мнѣ дѣйствительно удалось прокрасться въ тылъ наступавшаго корпуса вице-короля; но я опоздалъ только десятью минутами: иначе и вице-король и весь его штабъ навѣрное по-

пались бы мнѣ въ руки. Бездѣлица помѣшала моей счастливой ловлѣ. Я выслалъ на рекогноспировку поручика графа Бужевдена съ сотнею казаковъ. Неподалеку отъ деревни Рапицъ его встрѣтилъ эскадронъ итальянской гвардіи. Бужевденъ живо атаковалъ его, опрокинулъ и взялъ до тридцати плѣнныхъ, въ томъ числѣ штабъ-офицера. Лишь только я замѣтилъ стояновеніе, какъ послалъ на подмогу двѣ сотни казаковъ, ожидая, что и деревня будетъ атакована безотлагательно; къ сожалѣнію, мой молодой поручикъ, храбрый и мужественный, но неизмѣвшій достаточно военной опытности, въ радости отъ неожиданнаго успѣха, собралъ людей, окружилъ плѣнныхъ и воротился ко мнѣ. Взятый въ плѣнъ штабъ-офицеръ на вопросъ мой: что онъ дѣлалъ въ деревнѣ, отвѣчалъ, что принадлежалъ къ конвою вице-короля, расположившагося въ этой самой деревнѣ. Выслушать отвѣтъ, броситься стремглавъ къ деревнѣ съ полкомъ Иловайскаго — было дѣломъ одного момента. Но французы почуяли бѣду и дали стрелка. Я самъ видѣлъ, какъ штабъ вице-короля скакалъ по люценской дорогѣ и какъ ему навстрѣчу выбѣжалъ баталіонъ пѣхоты. Послѣ этого мнѣ нечего было и думать о поимкѣ пасынка Наполеона. Но какое значеніе имѣла бы эта добыча, если бы колонны, туловище безъ головы, явились на поле сраженія!...

Я благополучно присоединился къ Иловайскому, который, и съ своей стороны, причинилъ возможный ущербъ неприятелю, и теперь сообщалъ мнѣ, что наша армія къ ночи начнетъ отступленіе. До сихъ поръ я не видалъ ничего такого, что могло бы внушить мнѣ подобную мысль; напротивъ, событія дня, казалось, были въ нашу пользу: пѣхота дралась успѣшно, а наша превосходная кавалерія и вовсе не участвовала въ бою; но впослѣдствіи я слышалъ, что оказался недостатокъ въ снарядахъ и что главнымъ образомъ численный перевѣсъ неприятеля возбуждалъ опасенія. Мы имѣли на полѣ сраженія менѣе 70,000, въ томъ числѣ 34,000 пруссаковъ, большею частію новобранцевъ; у Наполеона, вмѣстѣ съ контингентомъ Рейнскаго Союза, было до 120,000 человекъ, слѣдовательно 50,000 больше.

Генералу Манскому поручено было командовать арьергардомъ, а генералу Иловайскому его передовымъ отрядомъ. Приведенные утромъ плѣнные показали, что и французы сдѣлали въ ночь отступательное движеніе и очень удивились, увидѣвъ на

разсвѣтъ, передъ собою такъ мало союзныхъ войскъ: Постепенно они стали приближаться къ намъ, съ цѣлю принудить насъ къ отступленію; но какъ у непріятеля не было на этомъ пунктѣ кавалеріи, то онъ удовольствовался тѣмъ, что послалъ намъ нѣсколько ядеръ.

Мы достигли шоссе, ведущаго изъ Вейсенфельса въ Цейцъ, прежде непріятеля, и переправились черезъ Эльстеръ нѣтъмъ нетревожимые. Въ Цейцъ нашли мы Винцингероде и Ланскаго. Первый приказалъ намъ, т. е. Иловайскому и мнѣ, остаться здѣсь до полудня слѣдующаго дня; Ланской двинулся чрезъ Хемницъ и Фрейбергъ на Дрезденъ; Винцингероде послѣдовалъ за нимъ въ одномъ направленіи чрезъ Пенигъ. Отсюда я получилъ отъ него предписаніе немедленно выступить съ двумя казачьими полками къ Вексельбургу, пробить здѣсь цѣлый день (5-го мая), а потомъ идти на Герцогсвальде, постоянно держась праваго фланга французовъ, если бы они стали преслѣдовать нашу армію, отступавшую къ Дрездену.

По прибытіи въ Вексельбургъ, я расположилъ людей бивуакомъ на улицахъ этого городка, чтобы хотя въ такомъ оборонительномъ положеніи дать имъ отдыхъ; самъ же я занялъ квартиру въ замкѣ графа Шёнбурга, изъ оконъ котораго можно было обозрѣвать всю окрестность на далекое пространство. Въ первый разъ послѣ пяти или шести дней увидѣлъ я себя подъ крышею и съ наслажденіемъ растянулся на мягкой кушеткѣ. „Уфъ!—подумалъ я—отдыхать такъ не то, что лежать на мокрой землѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ!...“ И только-что я хотѣлъ заснуть подъ влияніемъ пріятныхъ впечатлѣній, растворилась дверь.... но вмѣсто тяжелой походки казака-ординарца послышались легкіе и тихіе шаги. Я раскрылъ уже закрытые глаза и увидѣлъ предъ собою миловидную и стройную женщину. „Я кастелянша замка—сказала она—и пришла спросить васъ, господинъ полковникъ, довольны ли вы комнатою и хорошо ли приготовлена постель?“—„Душа моя—отвѣчалъ я—ничего лучшаго мнѣ не надо, постель моя удобна, мягка.... Не хотите ли сами убѣдиться въ томъ?“ Я сказалъ это въ шутку; но красивая кастелянша, улыбнувшись, сѣла возлѣ меня. Какъ вѣжливый кавалеръ, я, разумѣется, далъ ей мѣсто....

Отдохнуть по надлежащему мнѣ не удалось, потому что вскорѣ явился ординарецъ съ докладомъ о приходѣ русскихъ

колоннѣ. Это были храбрыя войска геройскаго принца Евгенія, составлявшія арьергардъ арміи и отступавшія тенерь чрезъ Вексельбургъ. Принцъ пробылъ здѣсь нѣсколько часовъ и объѣхалъ со мною позицію. Онъ нашелъ ее крайне неудобною и совѣтовалъ мнѣ не оборонять долго каменнаго гнѣзда и деревяннаго моста, такъ какъ рѣка Мульда имѣла много бродовъ и я могъ быть обойденъ. Принцъ, въ свою очередь, получилъ предписаніе соображать свои движенія съ движеніями Милорадовича, вслѣдствіе чего онъ выступилъ на Митвейду. Хотя мнѣ и было приказано сжечь мостъ, но какъ въ это время года Мульда оказалась переходимою почти вездѣ, то я призналъ достаточнымъ снести только часть моста и завалить броды опрокинутыми повозками. Въ такомъ положеніи ожидалъ я французовъ. На другой день показался непріятель и сталъ готовиться къ атакѣ. На подрѣпленіе пѣхотою мнѣ надѣяться было нечего, и потому я рѣшился обороняться пиками да саблями. Французы, правда, тоже имѣли одну кавалерію, но вооруженную карабинами и пистолетами, и, вѣроятно, ожидали пѣхоты и артиллеріи, потому что расположились въ получасѣ отъ города, на открытомъ полѣ. Съ наступленіемъ ночи я опасался быть отрѣзаннымъ отъ Ланскаго и Иловайскаго, о которыхъ не имѣлъ никакихъ извѣстій. На разсвѣтѣ, непріятель сталъ осыпать меня пулями и готовиться къ атакѣ, а какъ предписанные мнѣ двадцать-четыре часа миновали, то я счелъ себя въ правѣ оставить Вексельбургъ.

Дальнѣйшее отступление мое къ Герцогсвальде было совершено между массаами непріятельской кавалеріи, отчасти по окольнымъ дорогамъ, чрезъ кустарники и рвы; тѣмъ не менѣе я тревожилъ, по возможности, правый флангъ французовъ фальшивою тревогою. Въ Герцогсвальде Ланской поручилъ мнѣ составлять его арьергардъ. Упорно отбиваясь отъ сильно напиравшаго противника, чтобы дать Ланскому время переправиться за Эльбу, достигъ я, съ моими казаками, послѣднимъ судового моста подъ Дрезденомъ. Король прусскій, наблюдавшій за моими дѣйствіями съ противоположнаго высокаго берега, прислалъ мнѣ, вечеромъ того же дня, орденъ за военныя заслуги.

Послѣ нашей переправы мостъ былъ снятъ. Кавалерію, которой пока не предстояло дѣла, расположили на кантонирь-квартирахъ, чтобы поправить лошадей. Ланскому назначенъ

былъ Морицбургъ и окрестности. Здѣсь и я получилъ квартиру въ замкѣ, гдѣ могъ провести нѣсколько спокойныхъ дней послѣ трудовъ и опасностей двухъ послѣднихъ недѣль. Но предъ нами стоялъ неутомимый противникъ, и стрѣльба по королевскимъ фазанамъ въ морицбургскомъ паркѣ скоро уступила мѣсто инаго рода стрѣльбѣ.

IX.

Партизанскія дѣйствія въ тылу французской арміи. — Сраженіе при Бауценѣ. — Отступление чрезъ Гохкирхъ. — Дѣло при Рейкенбахѣ. — Продолженіе партизанскихъ дѣйствій до перемирія. — Фиггерь. — Блокада крѣпости Глогау. — Жизнь въ Фрауштадтѣ.

Союзные монархи отправились въ Бауценъ; Милорадовичъ съ арьергардомъ расположился у Штольпена и Бишофсверде; пруссаки отступили отъ Мейссена чрезъ Кёнигсбрюкъ и Каменцъ, когда французы появились неожиданно, въ большомъ числѣ, по сю сторону Эльбы. Ланской получилъ, 11-го мая, предписаніе отступить на Гросенгайнъ, куда вскорѣ вытребовали и меня, для полученія словесныхъ приказаній. Генераль объявилъ мнѣ, что, по волѣ главнокомандующаго, имѣю я съ двумя казачьими полками и гусарскимъ полкомъ маіора Блюхера пробраться, тихо и незамѣтно, въ тылъ непріятельской арміи, наблюдать за ея движеніями, угадывать ея планы, тревожить сообщенія съ Дрезденомъ и Мейсеномъ, перехватывать курьеровъ и ординарцевъ и вообще причинять противнику возможно-большій вредъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я выступилъ въ восемь часовъ пополудни, чтобы ночью прибыть незамѣтно куда слѣдовало. Надежные и хорошо вознагражденные проводники провели меня чрезъ Окриллу и Козвигъ (на полупути между Мейсеномъ и Дрезденомъ) на Кайтицъ, гдѣ я сдѣлалъ засаду въ лощинѣ, на опушкѣ лѣса. Я намѣревался было переправиться, отчасти на кое-какъ сколоченныхъ плоткахъ, отчасти вплавь, чрезъ Эльбу и броситься на лейпцигскія дороги; но лишь только хотѣлъ начать переправу, какъ былъ встрѣченъ пудами съ противоположнаго берега: французы провѣдали о моемъ умыслѣ и приняли противъ меня энергическія мѣры. Послѣ этой неудачи, я думалъ напасть на непріятеля врасплохъ въ Морицбургѣ, но узналъ, что Латуръ-Мобуръ стоялъ тамъ съ значительными силами.

Массы неприятельской кавалеріи, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура и Гамерштейна, стали тедерь тѣснить меня къ Гросенгайну. Тщетно противился я ихъ натиску. Легкія казацкія пики выбили изъ сѣдла на одного тяжело-снаряженнаго всадника; но сила принудила меня наконецъ отступить и примкнуть къ Ланскому. Это было 4-го (16-го) мая.

Едва успѣлъ я отдохнуть, какъ графъ Витгенштейнъ приказалъ мнѣ слѣдить за движеніемъ колоннъ Нея, о дѣйстви-тельномъ направленіи которыхъ у насъ не имѣли свѣдѣній. Наполеонъ, вѣрный своему обычаю: для боя держать силы несовокупности, для преслѣдованія раздѣлять ихъ, выступилъ изъ Люцена за союзниками двумя большими массами: самъ, съ главными силами, на Дрезденъ, Ней, съ тремя корпусами (3-мъ, 5-мъ и 7-мъ), на Торгау. Отказъ Тилемана отворить ворота крѣпости отнялъ у Нея четыре дня: только 11-го мая возвратившейся король саксонскій приказалъ впустить французовъ. Ней немедленно переправился здѣсь чрезъ Эльбу и пошелъ сначала прямо на Лукау; корпусъ же Лористона онъ послалъ на Добридукъ, угрожая, такимъ образомъ, съ одной стороны Берлину, съ другою правому флангу союзниковъ. А такъ какъ союзники остановились подъ Бауценомъ и желали дать здѣсь сраженіе, то нужно было имѣть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ Нея. И на этотъ разъ мнѣ придали блохеровыхъ гусаровъ, хотя имъ, при всей доброй волѣ и превосходномъ духѣ, трудно было имѣть товарищами неутомимыхъ казаковъ. Отважно, съ истинно-казацкою ловкостію, рыскали мы между неприятельскими массами, наступавшими отъ Гросенгайна и Добридука, перехватывали иногда ординарца съ письменными приказаніями или донесеніями и сами высылали смѣлыхъ лазутчиковъ. Изъ нихъ отличался въ особенности прусскій егеръ-волонтеръ, по имени Шѣферъ, родомъ изъ Берлина. Въ крестьянской одеждѣ или въ какомъ-нибудь другомъ простомъ костюмѣ прокрадывался онъ чрезъ неприятельскія линіи даже въ Дрезденъ, въ главную квартиру. Но кругъ, въ которомъ мы разгуливали среди французскихъ войскъ, становился все тѣснѣе и тѣснѣе. Я удалился въ Руландъ; Блохеръ позволилъ своимъ гусарамъ разсѣдлать лошадей, и они уже разошлись, для отдыха, по домамъ, когда налетѣлъ отрядъ неприятельской кавалеріи. Къ счастью, мои казаки, никогда неразсѣдывающіе коней вблизи неприятеля, были наготовѣ: я вышелъ навстрѣчу французамъ и сталъ гар-

ковать, чтобы дать Блюхеру время собраться. Это удалось, мнѣ: французы, услышавъ звуки трубы въ деревнѣ, созывавшіе гусаровъ, вообразили, что тамъ собраны большія силы, и отъ-зались отъ атаки.

Мы обратились отсюда къ Гейерсвердѣ. Прусскій майоръ Гельвигъ былъ атакованъ, почти одновременно съ нами, въ деревнѣ Зенфтенбергъ, но, не имѣя казаковъ, заплатился дорого. Я поспѣшилъ къ нему на помощь съ тремя сотнями, однако засталъ его солдатъ уже въ полномъ бѣгствѣ, и только въ Гейерсвердѣ онъ собралъ остатки своей команды. Зная, что неприятель могъ подойти ко мнѣ съ трехъ сторонъ; со стороны Руданда, Зенфтенберга и Шпремберга, я расположился бивуакомъ на точкѣ соединенія дорогъ, прикрытый съ тыла Ланскимъ, которому имѣлъ возможность быстро сообщить свѣдѣнія по тремъ названнымъ дорогамъ о наступленіи неприятеля.

На основаніи извѣстій, собранныхъ мною о движеніи Нея, приняты были въ нашей главной квартирѣ соответствующія мѣры. Восемь казачьихъ полковъ поспѣшили ко мнѣ на подкрѣпленіе; весь корпусъ Барклая, только-что прибывшій къ главной арміи послѣ паденія Торна, выступилъ, въ соединеніи съ войсками Юрка, изъ позиціи при Бауценѣ къ Кёнигсвартѣ, навстрѣчу Нею и Лористону.

Почти въ это же самое время, дивизія Пери (итальянцы) была послана изъ французскаго лагеря подъ Бауценомъ, также къ Кёнигсвартѣ, для открытія сообщенія съ маршаломъ, и подверглась всей силѣ удара, направленнаго противъ Нея. Она была, 7-го (19-го) мая, почти вся истреблена Барклаемъ, потеряла всю свою артиллерию (11 пушекъ), всѣхъ главныхъ начальниковъ (четырехъ генераловъ) и до 1,800 дѣльныхъ. Не такъ счастливъ былъ Юркъ: онъ наткнулся при Вейсигѣ на превосходная числомъ силы Лористона (5-й корпусъ) и едва удержался до наступленія ночи.

Барклаю, по окончаніи жаркаго боя, дружески подавъ мнѣ руку и сказалъ: „Вамъ и вашей бдительности обязаны мы первыми извѣстіями объ обходномъ движеніи Нея, стало быть и только-что приобретеннымъ успѣхомъ“. На меня была возложена затѣмъ трудная задача прикрывать отступленіе къ Бауцену и подобрать наибольшее по возможности число раненыхъ, что было сопряжено съ неимовѣрными затрудненіями въ виду напиравшихъ массъ неприятеля. Сначала я сажалъ раненыхъ

на казачьихъ лошадей, а потомъ отправлялъ ихъ на повозкахъ далѣе и имѣлъ удовольствіе доставить имъ безопасное убѣжище въ тылу арміи. Обремененный этою заботою, я долженъ былъ еще выдержать въ Милькелѣ жаркую схватку съ войсками неприятельскаго авангарда, чтобы дать время удалиться раненымъ. Это удалось мнѣ при помощи подоспѣвшаго полковника Фигнера, который имѣлъ при себѣ два легкія орудія. Затѣмъ мы отступили черезъ Кумерау на главную армію, стоявшую подъ Бауценомъ.

На мою долю выпало быть только зрителемъ предстоявшей здѣсь борьбы: меня, вмѣстѣ съ Фигнеромъ, послали занять интервалъ между Блюхеромъ и Барклаемъ, позади Креквицкихъ высотъ.

Ярко взошло солнце 9-го (21-го) мая надъ равнинами и холмами Лузаціи. Теплый утренній воздухъ разливалъ живительный ароматъ по легко-склоняющейся къ рѣкѣ Шпре мѣстности, которая вскорѣ должна была покрыться пороховымъ дымомъ. День выдался одинъ изъ тѣхъ, когда предпринимаютъ увеселительныя поѣздки, и въ этотъ-то отраднѣйшій для души день разыгралось кровопролитное побоище.... Въ пять часовъ утра орудія загрохотали разомъ на трехъ пунктахъ. Французы ринулись нѣсколькими колоннами на наши лѣвый и правый фланги и на центръ. Мы видѣли, съ ближайшаго холма, какъ постепенно развивался бой. Наполеонъ, грозный виртуозъ битвъ, какъ мнѣ кажется, преслѣдовалъ, при своей бауценской композиціи преимущественно три мысли, которыя, по мѣрѣ успѣха и событій, должны были слиться наконецъ въ одну всеокрушительную мысль: занять нашъ лѣвый флангъ, задержать центръ, охватить, раздавить правый флангъ и потомъ, какъ подъ Іеною; упредить насъ на пути отступленія чрезъ Вюршенъ, чтобы одновременнымъ и совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ уничтожить наши стѣсненныя и отрѣзанныя массы. Но бурная композиція маэстро не увѣнчалась предположеннымъ финаломъ. Превосходя и теперь союзниковъ слишкомъ на 60,000 человекъ, онъ былъ господиномъ движеній, и отъ него зависѣло нанести ударъ тамъ, гдѣ ему хотѣлось. Атака, произведенная его правымъ флангомъ на укрѣпленныя высоты у Гохкирха, употребленіе здѣсь значительныхъ массъ стрѣлковъ заставляли предполагать, что Наполеонъ хотѣлъ овладѣть лѣсистымъ горнымъ хребтомъ и одолѣть позицію союзниковъ на лѣвомъ флангѣ;

однакожъ вскорѣ еще болѣе стремительная атака, поведенная Неемъ на нашъ правый флангъ, убѣдила людей дальновидныхъ, что именно здѣсь должна рѣшиться участь сраженія. Подвергаясь истребительному дѣйствию многочисленной артиллеріи, неся огромный уронъ, французы форсировали однако переправу чрезъ Шпрее. По мѣрѣ того, какъ орудія союзниковъ выхватывали цѣлые ряды ихъ, свѣжіе люди тотчасъ же являлись на убыльнѣ мѣста и словно бурныя волны катились все впередъ и впередъ. У Глейны они встрѣтили живую скалу — Барялая, который съ гранитною непоколебимостію принялъ неудержимый натискъ; тѣснимый съ фронта, обойденный справа и слева многочисленнѣйшимъ противникомъ, онъ нашелся наконецъ вынужденнымъ податься назадъ. Барялай отступилъ частію на Прейтицъ, частію на Барутъ; но и здѣсь онъ опять долженъ былъ противостать напору, направленному преимущественно на Прейтицъ, съ цѣлію открыть путь къ тылу Креквицкихъ высотъ.

Наполеонъ, лично наблюдавшій за ходомъ боя и руководившій имъ съ возвышенія, убѣдился, что взятіе Креквицкихъ высотъ будетъ стоить много крови, и потому старался лишь удержать и занять атаками противниковъ до тѣхъ поръ, пока Ней не зайдетъ имъ въ тылъ. Съ этою цѣлію употребилъ онъ вюртембергцевъ, какъ дешевый кормъ для пушекъ, которыми были уставлены высоты. Громимые смертоноснымъ огнемъ, вюртембергцы съ отчаяніемъ взбѣжали на нѣкоторыя высоты, но нашли здѣсь только смерть или плѣнь. Ней, между тѣмъ, овладѣлъ Прейтицемъ, потерялъ его и опять взялъ. Опасность съ этой стороны становилась очевидною. Къ счастью, союзники еще вовремя разгадали намѣреніе Наполеона: неохотно и медленно оставили прусскія войска столь мужественно обороняемыя ими позиціи. Когда они отошли, французская артиллерія стала сильно обстрѣливать Фигнера и меня; но мы не долго стояли подъ ея огнемъ: сраженіе съ нашей стороны было уже прекращено и отступление начато.

Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что, вслѣдствіе нашего отступления, успѣхъ дня остался за французами. Конечно, французы удержали за собою кровавое поле, но результатъ совершившагося здѣсь столкновения еидъ послужилъ рѣшительно къ ихъ невыгодѣ: при штурмѣ хорошо выбранныхъ и храбро защищаемыхъ позицій они понесли болѣе чѣмъ союзники уронъ.

Выигрышъ громаднаго напряженія силъ оказался нулемъ: союзная армія отступила, но не была разбита.

Собъзники начали свое отступательное движеніе въ четыре часа по полудни, тремя колоннами: Барклай черезъ Грѣдиць, пруссаки черезъ Вюршенъ на Вейсенбергъ, Милорадовичъ на Лѣбау. Вездѣ, гдѣ французы напирали горячо, встрѣчали они штыкъ, пику и сабли, умѣрившіе ихъ пылъ и задерживавшіе ихъ на столько, на сколько было нужно для нашего вездѣ равномернаго отступленія. Я съ моими казаками вышелъ на шоссе, которое идетъ черезъ Вюршенъ, и здѣсь увидѣлъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма съ ихъ штабомъ; они ѣхали шагомъ по направленію къ Рейхенбаху. Я слѣдовалъ за ними нѣсколько времени по большой дорогѣ, потомъ повернулъ вправо на Гохкирхъ, гдѣ далъ отдыхъ людямъ и приказалъ накормить лошадей, расположившись бивуакомъ на возвышенномъ кладбищѣ, знаменитомъ въ исторіи семилѣтней войны. Отсюда я могъ видѣть послѣдовательное движеніе колоннъ нашего лѣваго фланга, а остатокъ дня употребилъ на рекогносцировку ближайшей окрестности и дорогъ, чтобы быть готовымъ на тотъ случай, если бы непріятель тронулся ночью.

Генералы Корфъ, Сень-При и другіе ночевали въ Гохкирхъ; колонны же продолжали отступать безостановочно. Въ пять часовъ утра прослѣдовали мимо Гохкирха пѣхота и артиллерія, а вскорѣ потомъ показалась непріятельская кавалерія. Сначала я держался противъ нея, но, получивъ извѣстіе, что корпусъ графа Сень-При уже прибылъ въ Лѣбау, а прочія колонны достигли Вейсенберга, отступилъ. Въ Лѣбау я нашелъ генерала Лисаневича съ уланскою дивизіей и отрядъ Фигнера, въ тылу котораго и расположилъ свои два казачьи полка. Вскорѣ на прямой дорогѣ изъ Бауцена къ Рейхенбаху замѣтилъ я большія облака пыли и, догадываясь о приближеніи какой-нибудь непріятельской колонны, поскакалъ туда. Едва успѣлъ я подняться на Глоссенскія высоты, какъ со всѣхъ сторонъ увидѣлъ несмѣтныя массы французовъ, двигавшіяся на Рейхенбахъ. Скрывъ свои полки въ удобной позиціи, я тревожилъ непріятеля до тѣхъ поръ, пока не прибылъ генералъ Раевскій, встрѣтившій гостей достойнымъ образомъ. Когда пѣхота вступила въ бой, я отошелъ вправо отъ Рейхенбаха и расположился вдоль большой дороги, ожидая исхода дѣла.

Генералы Корфъ, Лисаневичъ, Кнорингъ и Панчулидзевъ

были между тѣмъ горячо атакованы, по сю сторону Мѣбау, кавалерійскимъ корпусомъ Латуръ-Мобура, стремившимся къ Рейхенбаху. Замѣтивъ неблагопріятный исходъ боя, я поспѣшилъ перейти большую дорогу и расположился въ засадѣ. Мимо меня промеслась наша легкая кавалерія въ безпорядкѣ, преслѣдуемая красными (голландскими) и польскими уланами. Казаки мои, хотя и закрытые кустарниками, видя отступленіе линейной кавалеріи, едва не послѣдовали за нею; мнѣ удалось однако успокоить ихъ, а потомъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, бросился я, съ криками „ура!“, изъ засады въ тылъ и во флангъ непріятели. Успѣхъ былъ полный. Наша легкая кавалерія успѣла устроиться и обратилась на противниковъ; я между тѣмъ работалъ усердно, и краснымъ уланамъ досталось порядкомъ. Польскіе же уланы спаслись отъ гибели лишь тѣмъ, что гвардейскіе конно-гренадеры поспѣшили къ нимъ на помощь.

Милорадовичъ и принцъ Евгений Вюртембергскій, командовавшіе аріергардомъ, видѣли съ возвышенія у Рейхенбаха мою атаку на непріятельскихъ улановъ, осыпали меня похвалами, а принцъ прислалъ мнѣ впослѣдствіи, при собственноручномъ письмѣ, свидѣтельство, въ которомъ было сказано: „Полковникъ баронъ Левенштернъ, въ дѣлѣ при Рейхенбахѣ, 10-го (22-го) мая 1813 года, когда наша кавалерія была отбита непріятельскою, бросился со ввѣреннымъ ему отрядомъ во флангъ непріятели, привелъ его въ разстройство и принудилъ къ послѣдному отступленію.“

Французы хотя и напирали на насъ при нашемъ дальнѣйшемъ отступленіи, но это обошлось имъ дорого. Артиллерія нашего аріергарда, командуемая отважнымъ полковникомъ Никитинимъ, неоднократно принуждала ихъ останавливаться и сразила сначала искуснаго кавалерійскаго генерала Брюйера (у него оторвало обѣ ноги), а однимъ изъ послѣднихъ ядеръ инженернаго генерала Кирхенера и любимца Наполеона, оберъ-гофмаршала Дюрока, пережившаго лишь нѣсколькими часами свои раны. Такъ, одного за другимъ, терялъ Наполеонъ всѣхъ своихъ первыхъ ратныхъ товарищей, друзей и повѣренныхъ: Ланна, Бессіера, Жюно, Дюрока. Грозный признакъ, что звѣзда его начинала меркнуть....

Я получилъ приказаніе занять позицію у подошвы Ландскроны, простоять тамъ ночь, слѣдить за движеніями непріятели,

а на утро перейти за Гёрлицъ и сжечь всё мосты. Все это было исполнено мною къ восьми часамъ.

Начальство надъ авангардомъ принялъ въ это время графъ Паленъ (Петръ), опытный воинъ и человекъ благороднѣйшаго характера, истинный рыцарь безъ страха и порицанія. Преисполненный чести, праведности и безкорыстія, онъ былъ уважаемъ начальниками, любимъ и почитаемъ подчиненными. Скромный, безпритязательный, онъ умѣлъ однако внушать повинованіе: изъ любви къ нему дѣлали то, что для другаго дѣлали по обязанности. Онъ требовалъ многого отъ своихъ подчиненныхъ, но и самъ трудился много, хотя, по благородной скромности, относилъ къ другимъ заслуги, бывшія послѣдствіемъ его благоразумія и опытности. Честный человекъ въ полномъ значеніи слова!

Графъ Паленъ соединилъ въ одно отдѣльные партизанскіе отряды и употребилъ ихъ на прикрытіе отступленія, при чемъ я поступилъ подъ начальство генерала Юзефовича. Къ двумъ моимъ казачьимъ полкамъ прибавлены были два эскадрона Татарскаго уланскаго полка и баталіонъ егерей. Порученіе, на меня возложенное, состояло въ томъ, чтобы поддерживать сообщенія съ блохеровою колонною, идти на Лаубанъ, уничтожить мосты здѣсь и при Леопольдсгайнѣ—занятіе скучное, неблагодарное, требующее чрезвычайно вѣрнаго такта: принять мѣры ни рано, ни поздно. Успѣлъ сдѣлать все какъ слѣдовало; никто и спасибо не скажетъ; случись какая-нибудь бѣда, отвѣтственности не минуешь. Мнѣ всегда казалось, что для подобныхъ порученій надлежало бы имѣть спеціальныя роды войскъ, на примѣръ конныхъ саперовъ: польза обнаружилась бы скоро (*).

За Леопольдсгайнѣ стоялъ, со своимъ корпусомъ, принцъ Евгений Вюртембергскій. Онъ долженъ былъ удерживать позицію до вечера 11-го (23-го) числа и въ ночь отступить; но неприятель атаковалъ его раньше, и стрѣлки двухъ егерскихъ полковъ (4-го и 20-го), высланные къ Нидергеннерсдорфу, были, между этою деревнею и Обергеннерсдорфомъ, отъ него отрѣзаны; затѣмъ неприятельскіе егеря заняли послѣднюю деревню. Принцъ, не имѣя возможности подать помощь отрѣзаннымъ, предложилъ генералу Юзефовичу освободить ихъ вы-

(*) Вслѣдствіе были организованы такія команды.

сылкою драгунскаго полка; но Юзефовичъ уклонился отъ этого, ссылаясь на то, что, по причинѣ занятія Обергеннерсдорфа неприятельскою пѣхотою, нѣтъ возможности пробраться туда. Тогда я съ моими казаками вызвался выручить егерей. Снавно—сдѣлано. Опустивъ поводья, не обращая вниманія на выстрѣлы французскихъ застрѣльщиковъ, бросился я, черезъ Обергеннерсдорфъ, на равнину между обѣими деревнями и принудилъ саксонскую кавалерію отступить. Вслѣдъ затѣмъ наши вырученные егеря устремились на Обергеннерсдорфъ, прогнали неприятельскихъ застрѣльщиковъ и приготовили мнѣ безопасное отогупленіе. Сами егеря примкнули къ своимъ частямъ съ порядочнымъ числомъ пѣнныхъ.

Принцъ Евгеній много благодарилъ меня за эту услугу, а генералъ Юзефовичъ жестоко сердился на меня за то, что я исполнилъ признанное имъ неисполнимымъ. Еще болѣе разгнѣвался онъ, когда услышалъ о донесеніи, отправленномъ принцемъ въ главную квартиру (*), и съ этой минуты сталъ всячески придираться ко мнѣ, ставя меня въ затруднительное положеніе. Такъ, напримѣръ, въ виду неприятельской атаки, я долженъ былъ дѣйствовать по приказаніямъ, присланнымъ издалека; меня заставляли то посылать куда-нибудь часть съ назначеннымъ офицеромъ, то отдѣлять по двѣсти человекъ, и при такомъ раздробленіи силъ, посреди обстоятельствъ критическихъ, обязывался я дѣйствовать не по требованіямъ даннаго момента, а по заранее составленнымъ диспозиціямъ. Передъ самымъ Лаубаномъ я непременно поплатился бы своимъ егерскимъ баталіономъ, если бы исполнилъ полученные предписанія, на основаніи которыхъ баталіонъ долженъ былъ занять перелѣсокъ у дороги, а я со своими казаками и уланами тревожить напиравшаго неприятеля. Я поступилъ иначе: отослалъ пѣхоту назадъ, прикрылъ конницею движеніе и спасъ моихъ храбрыхъ егерей, которые при Квейсѣ оказали мнѣ наилучшія услуги.

Вступивъ въ Лаубанъ, я снегъ мостъ и присоединился со

(*) Въ донесеніи было сказано: „11-го (23) мая, когда у деревни Геннерсдорфъ стрѣлки 4-го и 20-го егерскаго полковъ были окружены неприятельскою кавалеріей, полковникъ баронъ Левенштерцъ бросился, черезъ занятую неприятельскими застрѣльщиками деревню, на неприятельскую конницу и не только освободилъ всѣхъ нашихъ стрѣлковъ, но одну часть неприятельскихъ всадниковъ истребилъ, а другую взялъ въ плѣнъ“.

своимъ отрядомъ къ арьергарду Палена, занявшему высоту позади этой деревни и осыпавшему неприятеля ядрами. Палень позволилъ мнѣ освѣжить людей и лошадей, а потомъ приказалъ идти внизъ по Квейсѣ и наблюдать за неприятелемъ. И здѣсь состоялъ я подъ начальствомъ Юзюфовича; но служба моя сдѣлалась до того невыносимою, что я обратился съ письменною просьбою къ графу Палену объ отозваніи меня въ главную квартиру. Графъ немедленно прислалъ мнѣ разрѣшеніе, но, прежде нежели я пріѣхалъ къ нему, узналъ, что подъ Левенбергомъ онъ былъ раненъ въ голову и приказалъ отвезти себя въ Гольдбергъ. Я послѣдовалъ за нимъ туда и подробно изложилъ причины, по которымъ не могъ командовать отрядомъ на прежнихъ основаніяхъ. Палень оправдалъ меня и велѣлъ остаться при себѣ.

Только двадцать-четыре часа провелъ я у изголовья раненаго героя. Графъ Витгенштейнъ вызвалъ меня въ свою главную квартиру и предписалъ мнѣ немедленно выступить съ моимъ прежнимъ отрядомъ и открыть партизанскія дѣйствія въ тылу неприятельской арміи. Отъ начальника его штаба, генерала д'Оврэ, я получилъ инструкціи. Мнѣ приказано было стараться проникнуть по направленію къ Глогау, наносить французамъ въ тылу ихъ наибольшій вредъ, оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно, потомъ или переправиться ниже Глогау, обратно за Одеръ, или примкнуть къ корпусу Бюлова либо Воронцова, которые были расположены въ Лузаци и прикрывали Берлинъ. Я узналъ также, что полковникъ Фигнеръ получилъ подобное же порученіе и что мы должны поддерживать другъ друга.

Такое порученіе было мнѣ истинно по душѣ, хотя я сознавалъ трудности и опасность его исполненія. Я посѣдѣлъ обратно къ нашему арьергарду, начальство надъ которымъ принялъ теперь Васильчиковъ, и собралъ мои оба храбрые казацкіе полка, что было нелегко, такъ какъ Юзюфовичъ раздробилъ ихъ на многія малыя команды. Затѣмъ, не медля, пошелъ я на Гольдбергъ, гдѣ разстался съ нашею арміею, чтобы принять направленіе на Шёнау, Ленъ, а если можно, то и на Либенталь, вслѣдствіе чего я попалъ бы на правый флангъ французовъ и, можетъ быть, пробрался бы незамѣтно въ ихъ тылъ.

Было 14-е (26-е) мая, канунъ того дня, когда союзная армія предприняла свое знаменательно-трудное движеніе на югъ.

До сихъ поръ она отступала въ прямомъ восточномъ направленіи, двумя колоннами, чрезъ Бунцлау и Левенбергъ на Лигницъ и Яуеръ; здѣсь она круто повернула вправо и заняла сильную позицію позади Швейдница у Пильцена, опираясь слѣва на богемскую границу, что указывало на тайныя соглашенія съ Австріей. Французская армія слѣдовала за нашею также двумя главными колоннами, чрезъ Бунцлау и Левенбергъ, на Лигницъ и Яуеръ. Неожиданный поворотъ союзниковъ привелъ ее въ недоумѣніе: правда, для выигрыша мѣстности, она растянулась слѣва чрезъ Неймарктъ до Бреслава, но ничего рѣшительнаго не предпринимала. Маршалы Викторъ и Себастьяни, прибывшіе потомъ въ Бауценъ, получили направленіе чрезъ Примкенау на Глогау.

Въ Лэнѣ нашелъ я генерала Кайсарова, который маневрировалъ на правомъ флангѣ французовъ и слѣдилъ за ихъ наступленіемъ къ Швейдницу. Въ Либентагѣ соединился я съ Фигнеромъ, и мы условились насчетъ нашихъ дальнѣйшихъ совокупныхъ движеній. Мы рѣшились идти всю ночь и переправиться черезъ Боберъ до разсвѣта. Только такимъ образомъ могли мы, незамѣченные непріятелемъ, выйти на дорогу между Гольдбергомъ и Левенбергомъ. Это и удалось намъ безъ особенныхъ приключеній, послѣ чего мы расположились въ засадѣ такъ, что большая дорога была между нами. Здѣсь провели мы цѣлый день и захватили нѣсколько плѣнныхъ; но какъ французы оставили сильный гарнизонъ въ Левенбергѣ и другой въ Гольдбергѣ, то мы не могли ничего предпринять противъ этихъ городковъ. По недостатку продовольствія, мы рѣшились продолжать движеніе, чтобы выйти на бунцлаускую дорогу.

На маломъ Бобрѣ я столкнулся неожиданно съ двумя ротами французскихъ артиллеристовъ, которыя шли въ Торгау. Атаковать ихъ и взять въ плѣнъ было дѣломъ минуты: намъ достались четыре офицера и 150 рядовыхъ. Всѣ солдаты были старослуживые, съ шевронами на рукавахъ, и не могли опомниться отъ изумленія, что попались въ плѣнъ посреди своей арміи. Такъ какъ я шелъ въ авангардѣ своего отряда и Фигнерова, то взялъ плѣнныхъ офицеровъ съ собою, а солдатъ отправилъ въ хвостъ колонны Фигнера. По прибытіи въ Нейдорфъ (къ сѣверу отъ Бунцлау), гдѣ мы намѣревались ночевать, поручилъ я одному изъ моихъ офицеровъ, исправлявшему должность адъютанта, не забыть, при раздачѣ раціоновъ, и

плѣнныхъ. Каковы же были мое изумленіе и мой ужасъ, когда я узналъ, что ни одного плѣннаго нѣтъ въ живыхъ, что Фигнеръ истребилъ ихъ всѣхъ въ хвостѣ колонны, далеко отъ меня. Виѣ себя отъ гнѣва, я осыпалъ Фигнера упреками; но онъ отвѣчалъ мнѣ хладнокровно и сухо: „Таковъ мой обычай! Я поступаю по совѣсти и исполняя священный обѣтъ, данный мною въ 1812 году, когда я засталъ толпу французскихъ нечестивцевъ въ церкви, гдѣ они насилывали женщинъ и дѣвицъ.... Мой образъ дѣйствій довольно извѣстенъ въ арміи, и я не измѣню его ради вашего страннаго негодованія“. Долго не могъ я прийти въ себя; но какъ дѣло было покончено, то мнѣ оставалось только объявить Фигнеру, что, понаиѣсть и живъ, ни одинъ изъ моихъ плѣнныхъ не попадетъ къ нему въ руки.

Достоинно замѣчанія, что Фигнеръ поступалъ такъ жестоко только съ французами да съ поляками. Съ нѣмцами, голландцами и итальянцами онъ обращался хорошо и облегчалъ, сколько могъ, участь ихъ плѣна, а въ отношеніи испанцевъ обнаруживалъ даже ласковость и любезность. Для нихъ онъ готовъ былъ опорожнить свой кошелекъ и раздѣлить съ ними скудные съѣстные припасы.

Изъ Нейдорфа направились мы на Примкенау, узнавъ, что туда прибылъ маршалъ Викторъ со своимъ корпусомъ. Дорогой захватили нѣсколько плѣнныхъ. Во время отдыха въ Аршадабрунѣ, я завтракалъ съ подполковникомъ Рейтерномъ полусядя, полулежа на лугу, когда къ намъ присоединился Фигнеръ и привелъ съ собою плѣннаго. Обыкновенно Фигнеръ перемѣнялся крестьяниномъ или рабочимъ и въ такомъ костюмѣ ходилъ по окрестностямъ, имѣя при себѣ толстую палку, въ которой было спрятано духовое ружье. Въ подобномъ нарядѣ явился онъ и теперь и потребовалъ, чтобы мы хорошенько допросили плѣннаго француза. Самъ онъ не говорилъ по-французски или не хотѣлъ говорить, изъ ненависти ко всему французскому. Такъ какъ мы лежали, то французъ, чтобы удобнѣе говорить съ нами, присѣлъ возлѣ насъ на корточкахъ, но на вопросы наши, къ какому корпусу, дивизіи, полку онъ принадлежалъ, не хотѣлъ или не могъ отвѣчать положительно; онъ назвалъ только своего ротнаго командира и фельдфебеля. Фигнеръ, приписывая такіе отвѣты единственно упрямству, а не невѣдѣнію, поднялъ надъ головою француза свою палку и

говѣтовалъ ему быть откровеннымъ. Первый увѣрялъ, что больше ничего не знаетъ; онъ назвалъ еще номеръ своего полка и божился, что ни названіе полка, ни имя полковаго командира ему неизвѣстны. Фигнеръ, не сказавъ ни слова, спустилъ курокъ, и французъ повалился среди насъ.

Нѣтъ словъ для выраженія того бѣшенства, съ которымъ я вскочилъ и бросился на Фигнера; я готовъ былъ задушить его... Рейтеръ также подбѣжалъ къ нему. Но Фигнеръ хладнокровно оттолкнулъ насъ и сказалъ иронически: — „Чего вы хотите? Конечно, не умертвить заслуженнаго, всемъ извѣстнаго и всеми любимаго партизана? Проклятіе всѣхъ русскихъ сердецъ обрушилось бы на васъ, и вы считались бы по русской землѣ какъ два брата-Кайна. Да и въ чемъ я провинился? Убилъ собаку, которая не хотѣла лаять, чтобы тѣмъ вѣрнѣе укусыть...“ Поберегите ваши нулаки и сабли для лучшаго подвига.“ — Эта суровая, безстрастная рѣчь произвела на насъ такое же дѣйствіе, какое производитъ капля лдяной воды, упавшая въ кипятокъ: на минуту мы оцѣпенѣли, но, опомнясь, поклонились въ душѣ разойтись при первомъ случаѣ съ такимъ человекомъ...

Спустя нѣсколько недѣль, судьба Фигнера совершилась. При переправѣ вплавь чрезъ Эльбу, подъ Дессау, онъ былъ раненъ и утонулъ (*).

Вечеромъ достигли мы Примкенау и расположились на томъ самомъ бивуакѣ, гдѣ стоялъ утромъ маршалъ Викторъ. Жители много радовались, но и много дивились прибытію казаковъ, доставили намъ провѣнтъ и фуражъ и сообщили всякаго рода свѣдѣнія. На другой день двинулись мы къ Одеру для наблюденія за крѣпостью Глогау и намѣревались, если позволятъ обетонтельства, провести нѣсколько дней въ Нейштедтѣ; но маршалъ Викторъ узнавъ о нашемъ появленіи на его коммуникаціонной линіи, жъ воскликнулъ противъ насъ генерала Себастьяни со всею кавалеріей. Тогда мы направили путь на Фрейштадтъ, гдѣ обезпечивали себѣ переправу чрезъ Одеръ подъ Каролатомъ, чтобы, въ случаѣ нужды, этимъ путемъ пройти къ нашей арміи. Мы могли быть довольны результатами на-

(*). Не смотря на суровость Фигнера, иногда доходившую до жестокости, заслуга его, какъ знаменитаго партизана русскихъ войскъ, незабвенна, и имя Фигнера будетъ всегда занимать одно изъ почетныхъ мѣстъ на страницахъ исторіи войнъ, веденныхъ противъ Наполеона. Ред.

шего похода: намъ удалось прорѣзать операціонную линію всей непріятельской арміи, не потерявъ ни одного челоука, захватить семьсотъ пѣхннхъ, въ томъ числѣ двѣ роты артиллеристовъ, и распространить смятеніе и страхъ по всей непріятельской линіи. Мы, слѣдовательно, могли не краснѣя вернуться къ арміи, однако рѣшились остаться въ Фрейштадтѣ, принявъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры предосторожности.

При этомъ случаѣ позволю себѣ объяснить въ немногихъ словахъ результаты моихъ размышленій и опыта о партизанской войнѣ (*). Для успѣха партизана необходимы только два условія: *тайна* и *быстрота*. Никто не долженъ знать жамбреній предводителя партизанскаго отряда; никому онъ не только не долженъ повѣрять своихъ плановъ; напротивъ, пусть даже старается вводить въ обманъ насчетъ своихъ предназначенныхъ движеній. Намѣреваясь идти направо, слѣдуетъ выходить изъ деревни налѣво, по противоположной дорогѣ; при этомъ нужно избѣгать дневныхъ маршей и не отпускать проводниковъ до тѣхъ поръ, пока отрядъ не будетъ въ совершенной безопасности, чтобы не быть преданнымъ. Мнѣ случалось имѣть при своей колоннѣ иногда до двадцати проводниковъ. Я содержалъ ихъ хорошо, но строго смотрѣлъ за ними. Вѣрная карта всегда необходима. Намѣренія свои надобно соображать быстро, не колеблясь, на конѣ, тотчасъ же приводить ихъ въ исполненіе, и при этомъ чаще мѣнять направленіе. Планъ, въ общихъ чертахъ, имѣть въ головѣ; исполненіе должно вполнѣ сообразоваться съ обстоятельствами. Главная цѣль партизанскаго отряда—вредить непріятелю, слѣдовательно все равно, гдѣ бы то было: здѣсь или тамъ. Величайшее затрудненіе для партизана—доставлять главнокомандующему извѣстія о себѣ и о непріятелѣ. Для достиженія такой цѣли, слѣдуетъ пытаться перейти на флангъ непріятеля и затѣмъ послать смышленнаго офицера въ главную квартиру или къ ближайшему посту арміи.

Вѣрный взглядъ, любовь къ ремеслу, дѣятельность, отреченіе отъ всѣхъ удобствъ—непремѣнныя качества хорошаго партизана. Въ особенности важно быстрое соображеніе, чтобы мгновенно отличить истину отъ лжи въ показаніяхъ мѣстныхъ жителей; вообще же надо остерегаться довѣрять всѣмъ достав-

(*). Впоследствии времени, авторъ написалъ довольно полное изслѣдованіе объ употребленіи казаковъ въ малой войнѣ и для партизанскихъ дѣйствій. *Ред.*

ляемымъ ими свѣдѣнiямъ. Партизанъ, какъ художникъ, долженъ любить свое дѣло ради его самого, а не изъ-за награды. Онъ долженъ быть неутомимъ: не давать покоя ни себѣ, ни другимъ; пользоваться довѣрiемъ подчиненныхъ въ такой степени, чтобы солдаты были проникнуты убѣжденiемъ, что врагъ трепещетъ предъ ними. Для этого слѣдуетъ уклоняться отъ неравнаго боя: неудача лишитъ васъ драгоцѣнной довѣренности подчиненныхъ. Всякую атаку надобно производить безъ малѣйшаго колебанiя, съ неудержимою стремительностью, влетать въ ряды непрiятеля какъ молнiя. Если вы не можете исполнить этого, откажитесь лучше отъ атаки. Даже послѣ самаго блистательнаго успѣха не оставайтесь на мѣстѣ; спѣшите дажѣ, сдѣлайте большой форсированный переходъ и затѣмъ можете отдохнуть, радоваться и веселиться.

Подъ Фрейштадтомъ я имѣлъ квартиру въ замкѣ графа Калькрейта, зятя графа Гаугвица; казаки бивуакировали въ паркѣ. Я помѣщался въ великолѣпныхъ комнатахъ, спокойно наслаждаясь вкуснымъ столомъ и прiятнымъ обществомъ, хотя французскiя сабли, пики и заряженныя ружья висѣли надъ моею головою на ниточкѣ. Въ самомъ городѣ, неподалеку отъ замка, жила жена генерала Гейстера, съ тремя миловидными дочками; были тамъ и въ окрестностяхъ еще и другiе цвѣтки, и я устроилъ для нихъ балъ. Веселая музыка гремѣла въ ярко-освѣщенныхъ покояхъ; танцовали, вальсировали, прыгали по-казацки, но, время отъ времени, разгорѣвшiйся танцоръ высывался въ окно, не для того чтобы прохладиться, но для того чтобы послушать, не затрещать ли вдалекѣ ружейные выстрѣлы.

Однажды посѣтилъ меня, совершенно неожиданно, французскiй эскадронный командиръ: онъ назвалъ себя парламентаромъ, присланнымъ отъ генерала Русселя д'Юрбала. Порученiе его состояло въ слѣдующемъ: „Между воюющими державами заключено перемирие и рѣка Одеръ назначена демаркаціонною линiей. Потому генераль предлагаетъ мнѣ не только прекратить всѣ непрiязненныя дѣйствiя, но и удалиться за Одеръ; въ противномъ случаѣ, онъ приметъ мѣры принудить меня къ тому“. — Такой тонъ рѣчи былъ для меня непривычною новостiю, и я отвѣчалъ: — „О перемирии мнѣ ничего неизвѣстно; я могу прекратить непрiязненныя дѣйствiя только тогда, когда получу на то предписанiе моего начальства. Что же касается до мѣръ госпо-

дина генерала, о которыхъ упоминаетъ господинъ эскадронный командиръ, то я очень желалъ бы короче познакомиться съ ними. Всѣ мы сейчасъ же сядемъ на коней и выѣдемъ навстрѣчу; господинъ эскадронный командиръ можетъ, если ему угодно, быть нашимъ проводникомъ.“ — Парламентеръ, видя, что мы ребята не робкаго десятка, обѣщаль передать мой отвѣтъ своему генералу и извѣстить меня о послѣдующемъ.

Но извѣщенія не было; напротивъ того, на третій день пріѣхали французскій полковникъ Фонтенель и адъютантъ Барклай, полковникъ Краминъ. Они офиціально объявили намъ о перемиріи, вслѣдствіе чего мы переправились, подъ Каролатомъ, за Одеръ. Отрядъ свой отвелъ я къ корпусу генерала Винцингероде, главная квартира котораго находилась въ Лиссѣ, въ тогдашнемъ герцогствѣ Варшавскомъ, и затѣмъ просилъ уволить меня на нѣсколько недѣль для отдыха и леченія минеральными водами въ Силезіи или въ Богеміи. Винцингероде, несмотря на все свое ко мнѣ расположеніе, отвергъ мою просьбу. — „Къ чему—сказаль онъ—послужать вамъ дорогое и скучное водопитіе и регулярный образъ жизни? Оставьте это до наступленія мирныхъ временъ, а теперь я вамъ дамъ дѣятельный, но вмѣстѣ и покойный отдыхъ — блокаду крѣпости. Извольте отправиться въ Фрауштадтъ. Тамъ есть венгерское вино и милостивая полька.“

Отговорка была бы неумѣстна: я повиновался. Блокировать предназначалось крѣпость Глогау; порученіе мое состояло въ наблюденіи части демаркаціонной линіи. Для этого къ моимъ двумъ прежнимъ казачьимъ полкамъ, Попова 13-го и Ребрѣва, прибавленъ былъ третій, Полтавскій. Имѣя главную квартиру въ Фрауштадтъ, я обязывался наблюдать пространство отъ Цюлихау вдоль по Одеру до Кѣбена. Вправо отъ меня стоялъ полковникъ Прендль, влѣво генераль Ланской.

Первою моею заботою была рекогносцировка мѣстности, на что надлежало употребить нѣсколько дней. По всей моей линіи я приказаль поставить нумерованные колья, для руководства казаковъ, и строжайше запретилъ переходить за черту и вступать въ какія бы то ни было сношенія съ непріятелемъ: военное положеніе продолжалось; прекратились только выстрѣлы. Въ столкновеніяхъ и ремонстраціяхъ недостатка не было. Французскіе генералы до того свыклись съ проконсульскою властію, что не стѣснялись въ занятой ими странѣ нарушать условія,

казавшіяся имъ тягостными. Такъ, напримеръ, франгузы вырубали много лѣсовъ въ королевскихъ рощахъ и перевозили его на лодкахъ, по Одеру, въ Глогау. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ особый комисаръ, съ двадцатью солдатами. Получивъ о томъ извѣстіе, я распорядился захватить лодки на высотѣ Каролата: лѣсъ остался въ нашихъ рукахъ, комисаръ и люди его были вѣжливо отпущены. Но какая жаркая перестрѣлка на перьяхъ завязалась по этому предмету! Генераль баронъ Мутонъ-Дюверне, командовавшій дивизіей, сначала шумѣлъ и кричалъ на меня, потомъ принесъ жалобу въ посредническую военную комисію, опять накинулся на меня, когда она отказала, и наконецъ принужденъ былъ отказаться и отъ лѣса, и отъ вознагражденія, и отъ удовлетворенія.

Другаго рода дѣла имѣлъ я съ комендантомъ крѣпости Глогау, дивизионнымъ генераломъ Лапланемъ. По условіямъ перемирія, районъ крѣпости былъ ограниченъ половиною нѣмецкой мили, а онъ требовалъ французской мили (лье) (*), вслѣдствіе чего многія деревни становились спорною мѣстностію. Послѣ продолжительной переписки, многихъ свиданій и объѣздовъ, взаимная уступчивость привела къ положительнымъ условіямъ и полюбовному окончанію дѣла, тѣмъ болѣе, что Лапланъ оказался человѣкомъ вѣжливымъ и умѣреннымъ.

Если не считать тревожныхъ дней и часовъ, выпадавшихъ на мою долю при подобныхъ столкновеніяхъ, то жизнь моя текла хотя и не безъ дѣла, однако покойно, безопасно, въ противоположность недавнимъ боевымъ и опаснымъ днямъ. Осмотрѣвъ свою демаркаціонную полосу, распорядившись по командованію тремя полками и сѣздивъ въ Лиссу къ Винцингероде, я могъ все остальное время употреблять какъ мнѣ хотѣлось.

Фрауштадтъ городъ старинный, построенный нѣмцами еще въ то время, когда поляки не имѣли короля, а управлялись княземъ мадонольскимъ и многими удѣльными князьями. Городъ и понынѣ населенъ большею частію нѣмцами; но въ то время, когда я жилъ здѣсь, было тамъ много поляковъ, такъ какъ правительство герцогства Варшавскаго старалось привлекать сюда польскихъ чиновниковъ. У одного изъ этихъ чиновниковъ, родившагося въ Подляхія или въ Полъсьѣ, отведена мнѣ была квартира, удобства которой для кавалерійскаго офицера обу-

(*) По словамъ Паото, назначена была французская миля. Прим. О. Смита.

словливаются не числомъ комнатъ, а хорошимъ помѣщеніемъ лошадей. Подъ кровлею подлѣха было однакожь рѣдкое украшеніе — его молоденькая дочь Камилла. Кто знаетъ польскихъ дѣвушекъ и польскихъ молодыхъ женщинъ, тотъ согласится, что онѣ обладаютъ особенною, только имъ свойственною, прелестію, что всей ихъ натурѣ прирожденно такое изящество, до котораго не достигаютъ даже французенки. Камилла служила прекраснѣйшимъ образцомъ такого естественнаго изящества, приправленнаго острымъ умомъ и веселостію. Окончивъ мои демаркаціонныя и блокадныя занятія, я не находилъ лучшаго развлеченія, какъ въ бесѣдахъ съ этимъ милымъ ребенкомъ; ея беззаботная, остроумная болтовня доставляла мнѣ всегда новое наслажденіе.

Однажды, когда Камилла наговорилась вдоволь на своемъ родномъ языкѣ, я спросилъ у нея:

— Скажи мнѣ, Камилла, отчего ты не говоришь иногда и по-нѣмецки? Вѣдь кругомъ тебя всюду слышенъ этотъ языкъ.

— Сохрани меня Пресвятая Богородица! вскричала она, и лицо ея выразило испугъ. — Мнѣ говорить по-нѣмецки! Но вѣдь отъ этого чернѣютъ зубы.

Я расхохотался.

— Какъ! равнѣ у меня зубы не бѣлые? А я вѣдь много говорю по-нѣмецки.

— Вы, можетъ быть, чистите ихъ. Взгляните только на здѣшнихъ нѣмецкихъ дѣвушекъ: есть ли хотя у одной изъ нихъ здоровые, бѣлые зубы? Ни у одной! У всѣхъ зубы желтые, гнилые, или и совсѣмъ нѣтъ зубовъ. А все это отъ нѣмецкаго языка....

— Нѣтъ, дитя мое, если ты говоришь и правду, то причиною отцы, которые курятъ изъ своихъ неопрятныхъ трубокъ, портятъ свои зубы и передаютъ ихъ порчу дѣтямъ.

— Не спорю. Только все-таки правда, что тамъ, гдѣ много говорятъ по-нѣмецки, видно и много черныхъ зубовъ. А что можетъ быть лучше бѣлыхъ зубовъ?

— Ты права! сказалъ я и напечатлѣлъ на болтливыхъ губкахъ Камиллы такой подѣлуй, который проникъ до ея хорошенькихъ зубковъ.

Помолчавъ послѣ этой ласки, Камилла продолжала:

— Не знаю, какъ вы можете защищать нѣмцевъ! Меня ни-

кто не переувѣритъ, что этотъ народъ же недавно ходилъ, словно звѣри, на четверинкахъ.

— Чѣмъ же ты можешь доказать это?

— Не трудно. Мы называемъ то, что носимъ на ногахъ, „тржевики“ (черевики), а то, что надѣваемъ на руки—„репчавички“ (перчатки). Нѣмцы же называютъ первое „Schuhe“, второе „Hudnschuhe“. Развѣ это не доказываетъ, что они ходили на рукахъ и на ногахъ, на всѣхъ четырехъ, какъ звѣри?

Мнѣ оставалось только посмѣяться надъ подобными внушеніями національной ненависти.

— Полно толковать объ этомъ, милая болтушка! Нечего намъ заниматься филологическими изысканіями! Спой лучше пѣсенку.

— Только не нѣмецкую...

— Нѣтъ, нѣтъ, спой краковякъ...

Тихая жизнь въ Фрауштадтѣ, не смотря на обычныя похождения съ польками, скоро приняла бы однообразный оттѣнокъ, если бы не представлялось случаевъ затѣять вечеринку, балъ. Тогда со всѣхъ сторонъ съѣзжались офицеры, русскіе и пруссаки, и застой уступалъ мѣсто движенію. Въ такихъ затѣяхъ я имѣлъ товарищемъ Фигнера. Не командуя въ это время отрядомъ, онъ былъ занятъ удивительнымъ планомъ, а, въ ожиданіи его развитія, велъ разсѣянную жизнь. Мы вмѣстѣ устраивали балы и отыскивали въ городѣ и въ окрестностяхъ молоденькихъ охотницъ потанцовать. Камилла была свѣтиломъ нашихъ вечеровъ; я не только давалъ для нея балы, но даже сшилъ ей щегольское балльное платье.

Скажу теперь нѣсколько словъ о планѣ Фигнера, оригинальномъ по идеѣ, по исполненію и даже по названію. Нашъ знаменитый партизанъ готовился быть... итальянскимъ кондотiere, и для того хотѣлъ сформировать итальянскій отрядъ волонтеровъ, такъ называемый „легіонъ мести“, долженствовавшій послужить основою возстанія Италіи противъ бонапартовскаго владычества. Для сформированія обыкновеннаго отряда охотниковъ изъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, Фигнеръ уже получилъ отъ Барклая дозволеніе и собралъ до двухсотъ человекъ, большею частію итальянцевъ. Были, впрочемъ, и испанцы, столько имъ любимые. Много трудовъ употребилъ онъ на то, чтобы ввести порядокъ и дисциплину между одичалыми обломками наполеоновскихъ полчищъ, одѣлъ своихъ легіонеровъ въ

зеленые кастаны съ черными отворотами, издержалъ пропасть денегъ и даже выучился бѣгло говорить по-итальянски. При всемъ различіи нашихъ взглядовъ, я не могъ не воздавать должнаго удивленія той невѣроятной дѣятельности и тому терпѣнію, съ которыми Фигнеръ работалъ надъ осуществленіемъ задуманнаго имъ плана. Мнѣ придется еще разъ говорить объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.
